
МАРИЯ ВОРОНОВА

~~~~~ роман ~~~~~

БЛИЗОРУКАЯ ЛЮБОВЬ

Книги Марии Вороновой для тех, кто не ждет от жизни чудес, а знает, что счастье в семье дается ежедневной заботой, любовью, верностью и преданностью.

А. МАРИНИНА

Мария Воронова
Близорукая любовь

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Воронова М. В.

Близорукая любовь / М. В. Воронова — «Автор», 2017

ISBN 978-5-699-94155-1

Всё как в сериале – сняв очки, поскольку они не подходили к вечернему платью, близорукая Люба поддалась чарам молодого врача. И когда тот внезапно покинул вечеринку, опомнилась – а ведь она даже имени прекрасного принца не узнала! Начав выпытывать у подруги Зои, что за коллега-доктор сопровождал ее тогда, Люба оказалась втянутой в программу поиска достойного мужа, которую развернула Зоя ради ее счастливого будущего. И вот Люба встречается с чопорным профессором Максимовым, а тот самый принц – молодой доктор Станислав – сгорает от тоски и страсти... Ранее книга выходила под названием «Клиника одиночества».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94155-1

© Воронова М. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мария Воронова

Близорукая любовь

© Воронова М., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Стас Грабовский терпеть не мог случайных встреч со своими начальниками или бывшими преподавателями. Хуже всего было сталкиваться с ними в метро или автобусе – из замкнутого пространства некуда деться, и приходится из вежливости вести светские разговоры, зная, что начальник тоже тяготится пустой болтовней.

Поэтому, увидев, что в маршрутку входит его новая заведующая Зоя Ивановна, Стас постарался сделаться невидимкой и закрыл глаза, притворяясь спящим. Однако спутница Зои Ивановны так понравилась молодому человеку, что он то и дело поглядывал на нее из-под ресниц. Это была высокая женщина лет тридцати, одетая с той беспомощной самобытностью, что отличает вдохновенных учительниц литературы и непризнанных художниц. Но ни дикое нагромождение деревянных бус и браслетов, которых, если счесть, хватило бы для небольшого барбекю, ни бесформенные юбка с кофтой, ни грубые ботинки, ни ультракороткая стрижка не могли убить спокойного очарования этой женщины. Ее лицо не отличалось поразительной красотой, но высокие скулы, большие серые глаза и широкий рот с нежными губами почему-то притягивали к себе взгляд Грабовского.

Все места были заняты. Незнакомка прошла в конец маршрутки и взялась за вертикальную стойку. На поворотах машину кидало из стороны в сторону, и, чтобы удержаться на ногах, женщине приходилось совершать сложные пируэты, держась за стойку обеими руками.

Стас залюбовался пластикой ее сильного тела и забыл, что нужно прятаться от Зои Ивановны.

Но тут заведующая напомнила о себе так, что вздрогнул весь автобус.

– Что?! – услышал Стас хорошо знакомый голос. – Может, к тебе еще со своим бензином приходить? Это не мои проблемы, что у тебя нет сдачи!

После такого громогласного выступления притворяться, что Стас не замечает Зою Ивановну, было уже глупо.

– Никуда мы не выйдем! Еще чего! Поумнее что-нибудь придумай!

Стас, делая вид, будто только что проснулся, поднялся со своего места и направился разнимать Зою Ивановну и кондукторшу.

– Здравствуйте, – сказал он вежливо, – одолжить вам мелочь на билет?

– Отвали, Стасик! Это не твоя проблема!

Немного людей на свете могли сопротивляться натиску Зои Ивановны, но кондукторша оказалась из их числа.

– Или платите, – настаивала она, – или идите пешком.

– Два билета, пожалуйста. – Стас подал кондукторше полтинник.

– Подлизываешься? – спросила Зоя дружелюбно. – Любаша, позвони мне завтра, напомни, чтоб я вернула ему пятьдесят рублей.

Стасу очень понравилось, что женщину зовут Любой.

– Да что вы, Зоя Ивановна! – сказал он, жадно разглядывая Любу. – Вы не разбогатеете, а я не обеднею.

– О, погодите-ка, – произнесла Люба, и ее голос тоже очень понравился Стасу. – У меня, кажется, есть немного мелких денег...

– Прекрати! Пока ты их найдешь, мы три раза успеем вокруг экватора объехать, а нам выходить на следующей!

– Большое спасибо, молодой человек! Если бы не ваша помощь, нас бы с позором высадили, а эти маршрутки так редко ходят!

Стасу стоило большого усилия убедить себя, что теплая Любина улыбка на прощанье – всего лишь дань вежливости, а не знак особого расположения к нему.

Пока маршрутка стояла на светофоре, Стас видел в окно, как женщины о чем-то спорили возле газетного киоска. Чуть сутулая, но в то же время подтянутая Люба осанкой напоминала волейболистку перед подачей мяча. Рядом с ней низкорослая тощая Зоя Ивановна казалась еще меньше. Стас задумался, что может связывать столь милую женщину с таким карманным волкодавом, каким была его начальница. Распределиться анестезиологом в отделение сосудистой хирургии, где властвовала Зоя Ивановна, считалось большим горем. Каждый год эту брешь затыкали самыми молодыми и беззащитными аспирантами, и при первой же возможности те сбежали оттуда с криками ужаса.

За Стаса заступиться было некому. Несмотря на звучную фамилию, аристократическую легкость фигуры, подбородок, который учительница истории определяла как «виндзорский», и очки в тонкой золотой оправе, происхождение он имел самое незамысловатое. Мама воспитательница и папа слесарь помогали ему только продуктовыми посылками из дома.

Зоя Ивановна, маленькая ухоженная женщина лет сорока, пыталась компенсировать недостаток роста высокой пышной прической и обувью на шпильках. Из-под ее белоснежного халата всегда выглядывала элегантная кружевная блузка с воротничком, непременно заколотым камеей.

Впрочем, образ тургеневской девушки балзаковского возраста рассыпался в прах, стоило только Зое Ивановне открыть рот.

То и дело в клинике слышалось безапелляционное: «Не надо со мной спорить!», «Есть два мнения – мое и неправильное!». В общем, Зоя Ивановна, будучи женщиной и гражданским лицом, по части армейских замашек считалась в военно-медицинской академии безусловным лидером.

Когда Стас пришел к ней представляться, приняли его мрачновато.

– Садись. – Зоя Ивановна протянула руку, куда он поспешил вложить свое личное дело.

– Я ваш новый анестезиолог, аспирант второго года Грабовский, – представился Стас.

Зоя Ивановна хмыкнула:

– Надо же... Многообещающая фамилия для доктора. Тебе бы лучше в похоронный бизнес идти. И реклама готова: гробы от Грабовского!

– Я не через «о», а через «а», – обиделся Стас.

– Лишь бы не через «ж»! Ты хоть интубировать¹ умеешь, прелестное дитя?

– Естественно! Я с третьего курса самостоятельно наркозы даю!

Зоя Ивановна посмотрела на Грабовского с жалостью:

– Операции у меня большие и сложные. Твоя задача – удерживать гемодинамику, причем молча. Всякие лирические отступления о том, как это выглядит на молекулярном уровне, и о том, как я не права, лучше сразу засовывай себе сам знаешь куда. Эпидуральной анестезией владеешь?

– Да, конечно.

– Тогда вот тебе история болезни, завтра делаем бедренно-подколенный шунт. Иди смотри больного.

Стас блестяще справился с первой анестезией и заслужил от Зои Ивановны одобрительную ухмылку. Но в медицине как в картах – новичкам везет. Все ошибки и оплошности у Стаса оказались еще впереди, тем более что Зоя Ивановна брала на себя очень сложные случаи. Зачастую она оперировала больных, от которых отказались другие хирурги.

Несмотря на Зоины диктаторские замашки, Стасу нравилось работать в ее отделении, а сложные операции представляли собой прекрасный материал для будущей диссертации.

---

¹ Интубировать – вводить в трахею специальную интубационную трубку для проведения искусственной вентиляции легких. (Здесь и далее примечания автора.)

А теперь еще выяснилось, что Зоя Ивановна имеет таких сексапильных подружек! Стас зажмурился и представил себе Любу. Это было необыкновенно приятно и радостно. Он вспомнил кисти ее рук, которые успел разглядеть, – узкие, с длинными пальцами и безупречным маникюром. Да и вся она, несмотря на несурзные одежды, была очень ухоженной, холеной.

Грабовский любил следящих за собой, нарядных людей и инстинктивно доверял им, хотя многие почитают их за эгоистов. В любых обстоятельствах он предпочитал иметь дело со щеголем, а не с безвкусным неряхой, хоть женского, хоть мужского пола. Ведь если человек за собой не ухаживает, значит, он себя не любит, а мы редко относимся к ближним лучше, чем к себе самому...

Он поймал себя на том, что изобретает способ как-нибудь устроить, чтобы Зоя Ивановна познакомила его с Любой. Может быть, Люба навестит ее на работе, а Стас на правах самого молодого сотрудника подаст им чай? Бред! Или чистосердечно признаться Зое, что ему понравилась ее спутница? Начальница обзовет его похотливым бабуином, и это максимум, на что он может рассчитывать.

«Да у меня же есть девушка! – вспомнил Стас, в последний момент выскакивая из маршрутки на нужной остановке. – Практически невеста».

Зажав в зубах сигарету, Грабовский углубился в безликое нагромождение панельных домов. Скоро он будет жить здесь, ходить в эту двухэтажную «стекляшку» за молоком и хлебом и, Бог даст, катать коляску по пыльным ущельям дворов, размышляя о том, как бы прокормить семью. И никакие Любы не потревожат его воображение.

Поступив в аспирантуру, он сразу обратил внимание на Варю, клинического ординатора кафедры. Маленькая, хрупкая, с широко распахнутыми серыми глазами и аккуратным носиком, она была очень застенчива, еле слышно докладывала о состоянии больных на профессорских обходах, и эта робость привлекла Стаса даже больше, чем Варина несомненная красота. Он несколько раз проводил девушку домой, потом повел в кино – и завязался спокойный роман, который, как подразумевали оба, должен был закончиться свадьбой. Варя оказалась ласковой и домовитой, кроме того, у нее была своя квартира, доставшаяся от бабушки, и папа – проректор мединститута, готовый принять Стаса в семью и способствовать его карьере.

Собственно, жениться можно было хоть завтра. В Вариной верности и любви Стас не сомневался, кроме прекрасной спутницы жизни, он получал еще и жилье, и перспективы служебного роста... Но что-то удерживало его от того, чтобы пойти с Варей в загс. Какие-то туманные идеи типа: куда спешить, раз этим все равно кончится?

«Может быть, она слишком хорошая для меня, – думал иногда Стас, – а я боюсь начать правильную жизнь...»

Варины родители пока не разрешали ей переселиться в бабушкину квартиру. Приходилось коротать вечера за семейными чаепитиями. Уплетая пироги, которыми славилась Варина мать, и поддерживая светские разговоры с отцом, Стас никак не мог отделаться от мысли, что играет в спектакле под названием «Будущее Станислава Грабовского». Роли в нем были хорошо прописаны и распределены. Преуспевающий отец – самозабвенный деятель науки и прекрасный семьянин, домовитая мать – преданная жена, которая опекает дочь с любовной снисходительностью... Понимая, что Варе нужно получать образование, мать взяла на себя все хлопоты по дому, но при этом не забыла обучить дочь грамотному ведению хозяйства... И он, зять, молодой человек из простой семьи, но перспективный... Если он будет относиться к членам своей новой семьи с уважением и любовью, ему ответят тем же. Его полюбят, если он будет играть роль убедительно. В конце концов, в образах тестя и тещи присутствует понимание молодых: тесть, тонко улыбаясь, даже позволяет им время от времени уединяться в бабушкиной квартире.

И почему он, Стас, тянет? Ведь ему предлагают сыграть лучшую роль, которую человек может получить в жизни, – роль честного, доброго и порядочного человека? Почему, вместо

того чтобы стремиться к счастью, он пытается увернуться от него? Почему чувствует себя тигром, которого загоняют в клетку, пусть даже в роли загонщиков выступают его собственная любовь и самые лучшие побуждения его натуры?

Может быть, потому, что знает: никто из этих троих искренне расположенных к нему людей не примет его любим! Стоит ему оступиться, его моментально вышвырнут вон.

«А зачем тебе оступаться, Стасик? Разве ты не хотел всегда быть хорошим? Разве не для этого искал такую хорошую девушку, как Варя?»

А Люба... Господи, в мире бродит миллион красивых женщин, если по каждой вздохать, то с ума можно сойти!»

В Варином доме его ждали, и эта естественная и добрая приязнь заставляла забыть все сомнения. Но вскоре эти мысли снова нахлынули. Чтобы отогнать их, Стас вышел на лестницу покурить, выслушав вдогонку несколько добродушных критических замечаний от Вариного папы. Он, кажется, не сомневался, что отучит жениха дочери от этой пагубной привычки.

«Ну и хорошо, ну и пусть отучит! – подумал Стас мрачно. – Здесь мне плохого не пожелают, да и самому мне пора, как говорится, остепениться. Вот сейчас докурю и сделаю предложение».

Он с силой раздавил окурочку о дно пепельницы и собрался навстречу светлому будущему. Но тут в кармане затрясся мобильный телефон.

– Слушаю вас! – вежливо сказал Грабовский и услышал напористый голос Зои Ивановны.

Не хотелось признаваться, но Стас обрадовался звонку, как утопающий радуется руке, схватившей его за волосы и тянущей на поверхность.

– Чем занимаешься?

– Чай пью, Зоя Ивановна.

– Подъехать в клинику можешь?

– Разумеется. А что случилось?

– Да вот хочу тебе пятьдесят рублей вернуть, пока не забыла.

– Что вы, не тревожьтесь!

– Выключи дебила! – посоветовала начальница. – Если серьезно, нужна твоя помощь. Тут наркомана надо оперировать, сам понимаешь, наверняка у него весь букет СПИДов и гепатитов, а у меня дежурный анестезиолог беременный. То есть это женщина, конечно, – зачем-то уточнила Зоя Ивановна. – Выручишь?

– Само собой. Там время терпит? Мне минут тридцать надо, чтоб доехать.

Зоя Ивановна фыркнула:

– Не доживет, ему же хуже. Я его на иглу не сажала.

Стас быстренько переобулся и побежал ловить такси. Срочный вызов на работу был принят с пониманием: Варя ласково расцеловала его на дорожку, а мама в мгновение ока собрала пакет пирожков и плюшек. Стас хотел взять Варю с собой, она ведь тоже анестезиолог. И для родителей оправдание, что она едет повышать свое профессиональное мастерство, – это казалось бы вполне убедительным. Она бы подождала Стаса в комнате дежурных врачей, а потом можно было бы заняться любовью, выцогавив у дежурной медсестры ключ от отдельной палаты.

Но Варя лукаво заметила, что не является трудоголиком и не собирается создавать себе в глазах начальства имидж фанатки анестезиологии. Очевидно, она намекала, что в замужестве будет ставить интересы семьи выше собственных карьерных интересов, но Стас все равно обиделся.

Белые питерские ночи еще не наступили. Пока шло семейное чаепитие, осененное уютным светом зеленой лампы, низко свисающей с кухонного потолка, на улице стемнело. Так что Стас вышел из подъезда под свет фонарей, он избрал короткий путь через начатую в неза-

памятные времена и заброшенную стройку. Форсировав несколько заборов и канав, Стас оказался на проспекте и энергично замахал рукой, приманивая такси.

Мимоходом увидел свое отражение в витрине магазина: щуплый молодой человек в джинсиках и с рюкзачком за спиной. Прохожие равнодушно скользят по нему взглядом, не принимая всерьез. «Однако, – подумал Стас о себе в третьем лице, – бывают моменты, когда от этого молодого человека зависит чужая жизнь, когда только его четкие и осмысленные действия могут спасти больного. Блин, неужели это я? Неужели это меня вызывают на работу, потому что нуждаются в моей помощи? Неужели я из ученика превращаюсь в самостоятельного доктора? Господи, страшно-то как...»

Таксист назвал немыслимую цену, но Стас не стал торговаться, только попросил доставить его на место как можно скорее. Наркомана ему было ничуть не жаль, но Зою Ивановну подводить не хотелось. Если пациент умрет, у нее могут возникнуть проблемы – почему не взяла сразу в операционную? Никакие оправдания, что она не хотела подвергать риску заражения беременную женщину, не будут приняты в расчет.

Оживленный проспект казался ущельем среди огромных длинных домов. Окна в них понемногу гасли – было поздно, люди ложились спать. «Интересно, – подумал Стас, – что делает сейчас Люба? Может быть, удастся как-нибудь вскользь расспросить о ней у Зои Ивановны?»

Он вошел в приемный покой и собрался позвонить Зое Ивановне, сообщить, что прибыл и готов работать, но услышал ее зычный голос из смотрового кабинета. Стас заглянул. Так и есть, начальница со свойственным ей гуманизмом принимает больного.

– В поликлинику завтра с утра, – безмятежно говорила она.

– И вы не окажете нам помощь? – горячилась молодая пронзительно белокурая женщина с тонким злым ртом, которому помадой была придана форма бантика.

– Нет.

– Но Конституция Российской Федерации...

– Засуньте ее себе знаете куда?

Стас вздрогнул. Не только неоказание помощи, но и подрывные речи. Ну дает Зоя!

– Вы пришли без документов, без страхового полиса в первом часу ночи туда, где лечат угрожающие жизни состояния. Поверьте, вашей жизни ничто не угрожает, со своим панарицием² вы прекрасно доживете до утра, когда откроется поликлиника.

– Но там огромные очереди...

– Из таких же людей, как вы. И даже из лучших, потому что у вас полиса нет.

– Но мы имеем право на оказание медицинской помощи!

– Право имейте. А меня поиметь вам не удастся. Если хотите, чтобы я вам вскрыла панариций здесь и сейчас, то это будет с моей стороны личная услуга, которая должна быть соответствующим образом оплачена. По ночному тарифу.

– Вот что, женщина! Я законы знаю! Не надо у меня деньги вымогать!

– Не надо, так не надо, – миролюбиво согласилась Зоя Ивановна.

– Ничего себе отношение у вас! А если нам голову проломают? Тоже скажете, что у нас полиса нет?

– Когда проломают, тогда и поговорим.

– Учтите, я этого так не оставлю! Правильно про вас говорят, что все врачи – взяточники и убийцы! – Под руку с молодым человеком, который во время препирательств бессловесно сидел в углу, женщина выскочила из кабинета.

– Я здесь, Зоя Ивановна, – сказал Стас, дождавшись, пока начальница отведет душу с помощью серии крепких выражений. – Еле доехал, на Кубинской чуть в пробку не попали...

---

² Панариций – гнойное воспаление.

Начальница остановила его нетерпеливым жестом:

– Хватит! «Я шел всю ночь на лыжах из Сибири!» – Видно, Зое не удалось полностью выпустить пар, и по инерции она говорила агрессивно. – Прибыл, и ладно!

Они вышли в коридор, ведущий к операционному блоку. По ночам там никто не ходил, и, пользуясь этим, Стас достал «Парламент». Зоя Ивановна на ходу затащила, по-мужски держа сигарету большим и указательным пальцами, и немного подобрела.

– Молодец, что выручил. Не хотелось мне Людку подставлять, она, честно тебе скажу, не особо аккуратная, легко уколется может. Потом она одна сегодня дежурит, а реанимация полным-полна. Сам понимаешь, вечер воскресенья. С пятницы люди гудят, как трансформаторные будки, а на третий день – извольте: или панкреатит, или белая горячка. Зайдешь после операции, посмотришь: лежат, трясутся все. Я говорю: «Ты, Людка, осторожно, не дай Бог, они у тебя в резонанс войдут, так потолок обрушится».

Они вошли в оперблок. Стас за дверцей шкафа переоделся в одноразовый бумажный костюм и дежурные тапочки. Больной, как доложила сестра, уже лежал на операционном столе.

– Что делать изволите, Зоя Ивановна? – спросил Стас с нарочито подобострастной интонацией.

Недавно начмед, уставший от потока жалоб, заявил на общебольничной конференции, что врачи есть служба вроде официантов и обязаны всеми силами угождать клиентам. Теперь доктора не устали напоминать друг другу, кем они являются на самом деле.

– Там вообще дело серьезное. Тупая травма живота, УЗИ сделали – свободная жидкость в брюшной полости. Скорее всего селезенка повреждена, но, сам понимаешь, все может быть. А тут эта дура со своим панарицием!

– Ох, Зоя Ивановна, вскрыли бы – и время бы, и нервы сэкономили!

– Стасик, тебе понятие «честь мундира» знакомо? Или хотя бы «демпинг»? Если мы все будем такими пугливыми, то придется ночи напролет оказывать амбулаторную помощь населению, не желающему сидеть в очередях.

Стас поздоровался с анестезисткой. Сегодня дежурила серьезная девушка Алиса, которая работала быстро и четко и никогда не кокетничала. Она была некрасива и, хуже того, знала о своей непривлекательности, не делая никаких попыток бороться с ней. Стасу часто выпадало с ней работать, он ценил надежность, расторопность и спокойствие девушки и иногда прикидывал, что было бы, если бы она скинула парочку килограммов, эффектно причесалась и надела туфли на каблук вместо удобных старушечьих сабо. Но Алиса, видно, решила, что ее битва за красоту обречена на провал, а значит, не стоит и начинать. Пожалуй, именно это унылое поражение, а вовсе не толстая попа и монгольская физиономия заставило Стаса вычеркнуть Алису из своего списка кандидаток в жены.

Он подошел к больному и бегло осмотрел. На теле несомненные признаки многолетней привычки к наркотикам. Уколоть вену можно даже не пытаться. Стас надел манжетку для измерения давления и прицепил электроды кардиомонитора. Гемодинамика пока стабильная, значит, допустимо слегка придушить пациента психотропными препаратами, чтобы не дергался, пока Стас будет ставить ему подключичный катетер. Ведь от наркомана можно ждать чего угодно, такие ребята не желают терпеть боль, даже ради собственного здоровья. Бывало, доктора получали от них и кулаком в ребра, и пяткой по голове. Этот, конечно, привязан, но все равно может начать ерзать, Стас вместо центральной вены попадет иглой в артерию или в легкое... Зачем лишние проблемы?

– Сделай ему реланиум с дроперидолом и готовь набор для подключички, – сказал он Алисе. – Пять минут, Зоя Ивановна. Доступ к вене обеспечу, интубирую, и можно будет начинать.

Зоя Ивановна кивнула, подошла к пациенту и заявила:

– Значит, так! Доктор специально приехал из дома, чтобы тебя вылечить. Он будет делать то, что нужно, и не вздумай сопротивляться! Не хватало еще, чтобы он твоей спидозной кровью укололся! Только дрыгнись, и я тебя снимаю со стола, понял? Поедешь в палату помирать от внутреннего кровотечения, это я тебе обещаю. Ты же в курсе, что мы врачи-убийцы? Телик смотришь, наверное, газеты читаешь?

– Зоя Ивановна, идите мойтесь, он будет хорошо себя вести.

Грабовский попал в подключичную вену с первого укола, быстрее и легче, чем это обычно ему удавалось. Установил катетер, быстро подключил систему для инфузии. Алиса тут же набрала миорелаксанты³ и подала включенный ларингоскоп. Как хорошо работать с помощницей, которая понимает каждое твое движение! Стас вспомнил, что Варя несколько раз ругала Алису. Интересно, за что? Чем могла ей не угодить такая компетентная сестра? Стас не только любил Варю как будущую жену, но и уважал ее как анестезиолога, тем не менее на ум пришла поговорка про плохого танцора...

Как только он закрепил интубационную трубку и подсоединил аппарат искусственной вентиляции легких, вошла Зоя Ивановна, держа обработанные руки на отлете. В узких штанишках и рубашке с глубоким треугольным вырезом она выглядела очень аппетитно. Тем более что маска скрывала лицо с выражением довольного жизнью бультерьера.

– Врачи-убийцы, ха! Самое горькое, что эта идиотка не сама додумалась, а в СМИ поднабралась. На каждом углу слышно это крылатое выражение! Впору на халате череп с костями рисовать и крестики за каждого погубленного больного, как во время войны на истребителях за сбитые самолеты!

Тут в операционную вбежал профессор Колдунов. Стас не был знаком с ним лично, но много о нем слышал и заочно уважал профессора за редкую работоспособность.

– Я же тебя просила мне кого-нибудь из молодых прислать, крючки подержать. Что ж ты сам-то?

– А кого я пошлю на наркомана? Не дай бог, у него гепатит С!

– А СПИД тебя не пугает?

– Ну СПИД еще туда-сюда, а гепатит С – вот где засада! Заболеешь, сразу хоп – цирроз, и водки больше не попьешь!

– Ну да, – усмехнулась под маской Зоя, – действительно. СПИД просто пустячок, подумаешь, сгниешь заживо. Зато пьяный и довольный! Ладно, Ян, мы с тобой свое отпили-отгуляли, чего нам бояться? Как там у Высоцкого – в прорыв идут штрафные батальоны! У тебя крючки держать корона не свалится или хочешь сам делать?

– Давай лучше ты! – предложил Колдунов. – Я хирург вдохновенный, можно сказать, резкий. Увлекусь и, не дай бог, уколую тебя. А ты девушка аккуратная.

Зоя взяла скальпель и обратилась к анестезиологу:

– Можно?

– Можно, – ответил Стас солидно. – Алиса, отметь начало операции. И риск анестезии три запиши.

Одним скупым движением Зоя Ивановна рассекла кожу и подкожную клетчатку и занялась остановкой кровотечения.

– Слушай, Стасик, я сколько лет работаю, а так и не знаю – по каким параметрам вы риск определяете?

– Так по хирургу, Зоя Ивановна. Хороший хирург – маленький риск, а если профессор Максимов, например, изволит оперировать, то ого-го какой!

– Так, это что там за наглое молодое дарование? – весело гаркнул Колдунов. – Два профессора оперируют, а он еще язык не проглотил от уважения? Непорядок!

---

³ Миорелаксанты блокируют передачу нервного импульса на мышцы, делая невозможным их сокращение.

– Это мой подчиненный, – весело сообщила Зоя Ивановна, – и гнобить его могу только я, ясно тебе? Возьми кохер, я брюшину вскрываю.

– Как скажешь!

Стас проверил артериальное давление. Сейчас хирурги начнут ревизию, сдернут тромбы с поврежденного сосуда, кровотечение возобновится, и больной завалит гемодинамику. Он достал из шкафа препарат полиглюкин и выложил из коробки ампулы с гормонами. Конечно, если он упустит пациента-наркомана, никто не будет особенно переживать, но облажаться сразу перед двумя профессорами не хотелось.

– Селезенка, разрыв капсулы печени, разрыв брыжейки, – сказала Зоя. – Полный набор. План такой – спленэктомия⁴, ушивание дефектов. Расслабь нам больного, Стасик.

– А что, напряжен? – Грабовский расстроился. Он старался давать безупречные наркозы и тщательно следил за тономусом брюшной стенки, зная, что его повышение мешает хирургам.

– Да нет, релаксация хорошая, – Колдунов подвигал крючком, – но ты сделай на максимум, пока мы селезенку не достанем.

Через две минуты селезенка была уже в тазу. Самый опасный этап позади, Стас облегченно вздохнул. В принципе можно было выйти покурить, но он решил не оставлять товарищей.

– Стараешься как дура, рискуешь заразиться, и все ради того, чтобы этот обормот через месяц сдох от передоза, – ворчала Зоя Ивановна. – На самом деле расстреливать таких надо.

– Ладно тебе, – вздохнул Ян Александрович.

– Что – ладно? Не цацкаться с ними, а к стенке ставить. Хочешь колоться – изволь жить в специальной резервации, где тебе будут давать наркоты сколько тебе нужно. Кормить будут, одевать... Но если ты на воле попробуешь уколиться – сразу расстрел. Вот тебе, пожалуйста, и свободный выбор, о котором так долго говорили большевики, – или нормально живешь на воле, или наркоманишь за решеткой.

Колдунов неуловимым движением рук завязал шов, которым Зоя Ивановна прошила разрыв печени.

– Забавная ситуация! – хмыкнул он. – Человек, убежденный, что наркоманов надо расстреливать пачками, по ночам спасает им жизнь, а абстрактные гуманисты и борцы за права человека мирно спят дома и вообще в глаза не видели ни одного наркомана.

– Поверь мне, как только абстрактный гуманист проведет денек в нашем приемном отделении, он тут же станет конкретным человеконенавистником. И наоборот, если я вдруг получу возможность подписывать смертные приговоры, у меня сразу проснется совесть. Так в природе сохраняется равновесие добра и зла. Стас, мы уходим из брюшной полости. Как там у вас дела? Не поранились?

– Нет, Зоя Ивановна.

– Хорошо. Отметь в протоколе, что ни одно животное не пострадало.

– Прелестный наркоз, молодой человек, – улыбнулся Стасу Колдунов, сняв маску. – И это вы еще не старались, верно?

Профессор по-дружески помог переложить больного с операционного стола на каталку, а когда Стас собрался ехать в реанимацию, придержал его за локоть: «Сдашь больного и поднимайся ко мне».

За рюмкой коньяку и сигаретой Стас так и эдак пытался вклиниться в разговор Колдунова с Зоей Ивановной и непринужденно выспросить насчет Любы, но подходящего момента не представилось. А через пятнадцать минут Зою вызвали в приемное. Колдунов тоже поднялся, дал Стасу запасную бритву и вызвал постовую сестру, которая устроила его в помеще-

---

⁴ Спленэктомия – удаление селезенки.

нии кафедрального музея на скользком кожаном диване прямо под бюстом Пирогова. Стасу даже неловко было оказаться объектом такой пристальной заботы.

Засыпая, он подумал, как здорово было бы заняться любовью в такой академической атмосфере, под строгими взглядами корифеев медицины, портреты которых были тесно развешаны по стенам. Если бы только Варя поехала с ним... Сейчас бы они весело возились на холодной коже старинного дивана, и он бы даже не вспомнил о Любе.

Люба собралась к своему редактору.

Они виделись редко, в основном общались по электронной почте, и Люба знала: если Владимир Федорович вызывает ее к себе, это предвещает хорошую головомойку. Как могла, она оттягивала встречу, ссылаясь на большую занятость, предлагала исправить текст, пусть Владимир Федорович вышлет ей замечания, но он был непреклонен. И Люба, нарядившись получше, чтобы совсем не упасть духом после редакторского разноса, поехала к нему домой.

Владимир Федорович был типичным гуманитарным мужчиной устаревшего образца. Невысокий, худощавый, но слегка обмякший субъект чуть за шестьдесят, с небрежной седой бородой, в одежде он предпочитал свободные фланелевые брюки и вязаные кофты, под которые, впрочем, неизменно поддевал сорочки с галстуком. Но Люба с легкостью могла представить, как в молодые, полные огня годы ее редактор чешет на работу в кедах, джинсах фабрики «Салют» и ковбойке, с реющей по ветру бородой.

Он жил на последнем этаже, скорее даже в мансарде, старого дома на Садовой. В квартире царил тот симпатичный беспорядок, который бывает у интеллигентов, живущих напряженной духовной жизнью. Все стены, даже в коридоре, были заставлены стеллажами с книгами. Владимир Федорович как-то сказал Любе, что его жена время от времени пытается систематизировать словари, справочники, художественную и научную литературу, однако тома быстро перемешиваются снова.

Любин редактор был литературоведом, но, будучи обремененным семьей и многочисленными внуками, вышел на пенсию после многих лет работы в университете и стал трудиться на плодородной ниве массовой культуры, превратившись в нечто вроде литературного доктора Джекила и мистера Хайда в одном лице. Днем он мирно занимался сентиментальными любовными романами и сценариями, а вечером, выходя в интернет, запускать туда едкие статьи, где подвергал массовую культуру убийственной критике. Особенно от него доставалось сентиментальному жанру.

...Люба тяжело вздохнула. Было всего половина третьего дня, но она не сомневалась, что, несмотря на неурочный час, ей придется иметь дело с темной, мистерхайдовской, стороной его натуры.

Однако вопреки ожиданиям Владимир Федорович встретил ее доброжелательно.

– Заходи, заходи, голубушка, – хлопотливо сказал он, – сейчас чайку попьем.

Они прошли в большую, в два окна, кухню, где не так давно редактор поставил красивые итальянские шкафчики. Любе очень нравились плетеные дверцы, рядом с ними даже старенькая эмалированная плита смотрелась прилично. Владимир Федорович достал большие глиняные кружки, наложил абрикосового варенья в хрустальную вазочку на длинной тонкой ноге, нарезал на одной доске батон и лимончик и вытащил из холодильника фаянсовую масленку в форме тыквы. Довершили разномастную сервировку ложки старинного серебра с вензелями на черенках. Люба спохватилась и достала из сумочки плитку горького шоколада, весьма любимого Владимиром Федоровичем.

Не чинясь она сделала толстый бутерброд с вареньем и ела его, время от времени, как хамелеон, подхватывая языком падающие с булки капли сиропа, а редактор растворил окно и со вкусом запыхтел жуткой сигареткой без фильтра.

– Вот что, Люба, я хотел сказать тебе, голубушка моя, – начал редактор. – Прочтя твой новый синопсис, я пришел к выводу, что он никуда не годится.

Люба поскорее проглотила кусок бутерброда. Такого ей еще ни разу не говорили. Она-то была уверена, что речь пойдет о ее предыдущем сценарии, а синопсис нового, как ей казалось, никто еще даже не смотрел. Она настроилась на долгую конструктивную работу по исправлению недочетов, а сейчас... Как можно работать над двумя страницами текста, к тому же никуда не годного? Только переписать его заново. И что значит – никуда не годится? Люба похолодела. Она хорошо придумывала сюжеты, да и разрабатывала их тоже прилично. Владимир Федорович всегда говорил, что очень уважает ее как автора и периодически устраивает ей аутодафе не потому, что она выдает халтуру, а потому, что чувствует в ней большой потенциал. Неужели она исписалась, вычерпала до дна весь запас своих творческих возможностей?

– Владимир Федорович, я в панике, – сказала Люба честно. – Если я кончилась как сценарист, что же я буду делать дальше? Я ведь давно только этим живу, других доходов у меня нет...

– Спокойно, дорогая. У всех бывают творческие неудачи. Я для того и пригласил тебя, чтобы помочь разобраться. Сама подумай, стал бы я переводить чай с вареньем на какую-нибудь бездарь? Успокойся и послушай меня, голубушка. – Владимир Федорович со вкусом затянулся, окутав себя и Любу облаком едкого вонючего дыма. – Я долго думал, прежде чем позвать тебя для этого разговора. Сама знаешь, судить по синопсису о конечном продукте сложно. Бывает, дурацкий синопсис расцветает вкусными диалогами, разными там лирическими отступлениями, и, наоборот, лихо закрученный сюжет может быть безвозвратно погублен топорным исполнением. Но у тебя, моя дорогая...

– Неужели все так ужасно?

– Люба, помнишь свой первый сценарий? Он у тебя был таким трогательным, таким пронзительным, что даже средненький режиссер и плохая игра актеров не смогли его загубить. Следующие два были намного хуже, а потом ты стала выходить на хороший уровень. Не расстраивайся, по такой кривой движутся почти все авторы. Первый текст ты писала по зову сердца, вложила туда все свои переживания, весь опыт, и в нем ясно раскрылось очарование твоей души. Писать на тот момент было твоей внутренней потребностью, а со второго текста началась обычная работа, в которой тебе тогда не хватало профессиональных навыков. Знаешь, чем вообще отличается профессионал от дилетанта?

Люба решила, что это риторический вопрос, но Владимир Федорович замолчал, испытующе глядя на нее. Она невразумительно пробормотала что-то о специальном образовании, опыте и знании методик.

– Так, да не так! – вскричал редактор торжествующе. – Дилетант пишет для собственного удовольствия, профессионал – чтобы получить за это деньги. Первый заботится о том, чтобы выразить себя, а второй – чтоб его продукт хорошо продавался. Ты становишься хорошим, крепким профессионалом...

Люба приосанилась.

– ...вот и стараешься писать такое, что пришлось бы по вкусу нашей целевой аудитории. А что нашей целевой аудитории по вкусу больше, чем очередной гибрид Золушки с графом Монте Кристо? История несчастной забитой девушки, над которой издевались все кому не лень и которая потом стала королевой и всем отомстила, – вариант беспроектный. И я бы в принципе не возражал. Ты у меня девочка надежная, до откровенной пошлости не опустишься. Даже из этого безобразия у тебя что-то путное может получиться, но только зачем? Ведь ты можешь лучше.

– Владимир Федорович, но вы же сами призывали меня ориентироваться на аудиторию! – буркнула Люба обиженно.

Ей самой новый синопсис, хоть она писала его, что лукавить, не от души, казался вершиной конъюнктурного мастерства.

Редактор азартно потушил окурок в тяжелой хрустальной пепельнице и многозначительно поднял указательный палец:

– Ориентироваться, голубушка, можно по-разному! Можно представить себе усталую женщину и подумать: что бы она хотела увидеть по телевизору, как ты своим творчеством могла бы ей помочь, чем приободрить? А можно прочитав или посмотреть то, что предлагает нам сейчас массовая культура, и решить – а, пипл хавает, и ладно! Раз им такое фуфло нужно, я тоже так могу! И добавить свой маленький экскрементик к тому потоку, что льется на нас с экранов.

Мистер Хайд уверенно овладел личностью редактора. Скромно потупившись, Люба, несмотря на неаппетитную реплику Владимира Федоровича, сделала новый бутерброд. Пусть редактор говорит гадости, но варенье просто изумительное!

– Люба, милая моя девочка, я хотел бы уберечь твой талант от профанации!

Раньше он никогда не упоминал о наличии у нее таланта. Хочет подсластить пилюлю или проговорился? Люба покосилась на Владимира Федоровича, но тот уже на всех парах неся дальше, обличая масскульт.

– Сейчас почему-то доктрина такая – чем примитивнее, тем лучше! Ориентируются на дебилов, а ведь самая большая ошибка во всех видах человеческой деятельности, хоть в торговле, хоть в любви, хоть в войне, – это считать противную сторону глупее себя. Разве у нас страна населена одними дураками, которые приходят в восторг от той пошлости, которую мы издаем и экранизируем?

– Зря вы так. В последние годы появилось много хорошего...

Редактор пожал плечами: мол, дай Бог, если так.

– Да, много, – продолжила Люба несколько увереннее, – и фильмов, и книг. Я свои, конечно, не имею виду.

Владимир Федорович печально покачал головой:

– Видишь ли, Любочка, настоящее искусство, оно всегда неудобно. Всегда горько. Настоящие произведения искусства побуждают человека каяться, сожалеть о своих дурных поступках и подталкивать к поступкам хорошим. А народ уже привык, что культура несет ему только отдых и развлечение. Почему, например, никто не любит роман «Как закалялась сталь», очень неплохую, кстати, книжку? Большей частью потому, что трудно принять мысль – ты никогда не станешь таким, как Корчагин, хотя и нужно быть таким, как он. Люди говорят – у меня и так полно проблем, буду я еще раздумывать над серьезной литературой, лучше отдохну с детективом! Не понимают, что в трудной жизненной ситуации тот же Николай Островский станет им гораздо более крепкой опорой, чем какой-нибудь детектив. Фраза «Умей жить, когда жизнь становится невыносимой» принадлежит, кстати, именно Островскому.

Люба неопределенно кивнула, не желая вступать в дискуссию. Владимир Федорович мог часами распространяться об упадке нравов, и любая, самая невинная реплика могла открыть новый шлюз его красноречия.

Он еще немного поговорил об убаюкивающем характере массовой культуры, призывающей человека забить на свой внутренний мир и всеми возможными способами двигаться к главной жизненной цели – обогащению, хотя на самом деле главное – это смирение и стойкость духа. Озвучив эту буддийскую доктрину, редактор наконец выдохся и заварил еще чаю.

– Однако, Любочка, я пригласил тебя не за тем, чтобы ты слушала мое стариновское брюзжание. Вернемся к твоему плану сценария. Понимаешь, в чем дело... У тебя твоя Золушка славна только тем, что бедная, а принц – только тем, что богат. Его характер вообще не прослеживается, это не герой произведения, а утешительный приз, который героиня получает в конце за все свои лишения. Ни одного благородного поступка за весь сценарий. Да и героиня,

откровенно говоря, не лучше. Жизнь ее шпыняет по полной программе, это да, а где сознательный выбор? Где решения? Идет она у тебя как овца на веревке...

– А куда деваться? – горько перебила Люба. – Такая уж доля женская. Не может же героиня сама ухаживать за мужиками.

– Безусловно. Но у тебя все ее поступки продиктованы жаждой богатства. Мир, в котором ей приходится существовать по бедности, абсолютно ее не устраивает. Пусть у нее нет возможностей самостоятельно изменить свою жизнь, но пусть она у тебя поймет, что на самом деле эта жизнь не так уж и плоха, что счастливой можно быть и не обладая большим счетом в банке. Так же и главный герой. Ладно, олигархом пусть он у нас останется, но сделай его не просто денежным мешком, а интересной личностью. Спасет он, что ли, ребенка у тебя...

– Уж большей пошлости не сыскать! – ядовито перебила Люба. – Только в очень плохих сценариях героини кидаются под колеса машин за чужими детьми или пушистыми питомцами.

– Думай тогда сама. – Махнул рукой Владимир Федорович. – Кто у нас автор, я или ты?

– Хорошо, я с этим разберусь, – вздохнула Люба.

– Давай, милая. Время есть, не торопись. Хорошенько составь план сценария, и потом работа как по маслу пойдет. А пока, чтоб ты не скучала, дам тебе диалоги прописать. Есть у меня тут неплохой детективчик, вполне добротный материал, но разговаривают герои – как стекло жуют. Денька три посидишь над текстом, и готово. А я тебя соавтором запишу. Деньги, кстати, неплохие получишь, детектив – жанр востребованный.

Люба нехотя согласилась. Она не любила работать с чужими текстами, хотя Владимир Федорович часто просил ее об этом. Обладая низкой самооценкой, она считала, что любые ее исправления идут не на пользу сценарию, а, наоборот, делают его хуже. Люба всегда сомневалась, правильно ли поняла идею автора, не будет ли он потом обижаться на нее. Однако Владимир Федорович обычно оставался ею доволен. А это главное.

Глава 2

Стас не думал, что Зоя Ивановна впечатлена его мастерством настолько, чтобы выделять Стаса Грабовского среди других анестезиологов. Однако образ Любы так сильно тревожил воображение, что Стас уже почти готов был, наплевав на правила приличия, запросто подойти к начальнице и сказать: «Слушайте, мне так понравилась ваша подруга, может, познакомите?»

Он корил себя, понимая, что сходить с ума по женщине, о которой ему ровным счетом ничего не известно, – самое глупое занятие на свете.

Чтобы избавиться от наваждения, Стас взял два билета в филармонию на органный вечер, надеясь, что общество любимой девушки и возвышенная музыка приведут его в нормальное состояние.

В тот день он безмятежно сидел в ординаторской и ликвидировал свои долги по аспирантской документации. Варя отпросилась домой пораньше, чтобы навести красоту перед концертом, и Стас все время отвлекался от бумаг, представляя ее в открытом шелковом платье. Под ним наверняка будет шикарный комплект кружевного белья, который он тайно подарил Варе на Восьмое марта, и чулки с широкой ажурной резинкой... А после филармонии они обязательно завернут на часок в бабушкину квартиру...

Тут вошла Зоя Ивановна, и Грабовский поспешно стер с лица мечтательную улыбку.

– Стас, пошли работать в операционную! Небольшая халтурка часов на пять.

– А это очень обязательно? Никто другой не может? – заныл Стас. – У меня планы на вечер, Зоя Ивановна... Только сегодня, а вообще я никогда не отказываюсь, постоянно сверхурочно остаюсь, сами знаете...

– Да, мой маленький друг, знаю! Все курят, ты один у нас работаешь! Прямо не мужчина, а Золушка в штанах. У меня, между прочим, тоже были планы, но наша приглашенная звезда все похерила! Какую-то он там наворотел совсем нездоровую фигню.

Что ж, Стас покорно выключил компьютер и встал из-за стола. Вместе с Зоей Ивановной они зашагали по длинному коридору, на ходу надевая колпаки и маски. Зоя Ивановна продолжала возмущаться:

– Не понимаю наших – своих придурков полно, а они приглашают этого Максимова, хоть прекрасно знают, что он председатель всех дебилов!

Стас молча кивал, не комментируя.

В операционной царил атмосфера той унылой безнадежности, когда ясно, что битва уже проиграна, но все равно надо что-то делать. Несколько раз Стасу приходилось давать наркозы в таких ужасных ситуациях. Пациент умирает, но сердце еще бьется, и надо продолжать бороться за его жизнь, хоть у тебя нет ни сил, ни возможностей для этой борьбы... И стократ ужаснее, когда такое положение дел создается по вине доктора.

Среди всей печальной суеты выделялся Максимов, неподвижно стоявший у операционного стола. Даже несмотря на хирургическую маску, оставлявшую открытой одни глаза, надменное презрение ко всем окружающим ясно читалось у него на физиономии.

– Так, что у вас? – Из-за его плеча Зоя заглянула в рану. – Просушите тампоном, я ничего не вижу.

Грабовский остановился в дверях. Сейчас узнает обстановку, перекурит и позвонит Варе, десять минут у него в любом случае есть. Пусть Варя сходит в филармонию с подругой, а лучше пусть плюнет на культурное просвещение и приедет сюда прямо как есть – в концертном платье и сексуальном белье. Так приятно будет обнять ее, когда он выйдет из операционной...

– Ну, ясно все! Шел на Одессу, а вышел к Херсону! Ты же полую вену перевязал, чудо! Теперь протезировать придется. Ладно, я моюсь, девчонки, открывайте мне венозный протез. А ты, Стасик, принимай больного у анестезиолога.

– А зачем анестезиолога менять, Зоя Ивановна? – спросил один из ассистентов.

– Если уж я исправляю чужие косяки, вместо того чтобы праздновать собственный день рождения, я по крайней мере хочу, чтобы никто не стонал у меня над ухом на тему, как я не права.

– Не слишком ли вы много на себя берете? – Поняв, что у больного появляется шанс выжить, Максимов осмелел. – Почему называете меня на ты? И что значит «косяки»? Сложная невринома, я отходил от аорты...

– Лучше бы от больного вовремя отошел, – фыркнула Зоя, бесцеремонно выталкивая Максимова с места оператора.

– Знаете что? Вы гонора-то поубавьте!

– Да иди ты на фиг!

– Что вы себе позволяете? У вас тоже бывают ошибки, между прочим! И еще неизвестно, кто из нас совершил их больше. Наверное, придется доложить вашему руководству, пусть оно растолкует вам, что недопустимо публично говорить «пошел на фиг» людям, равным вам по званию.

Зоя Ивановна отвлеклась от ревизии раны:

– Боря, увянь! Я ведь не первый раз за тобой подтираю. Между прочим, у меня день рождения, друзья устраивают прием в мою честь, а я тут веселюсь с тобой. Не умеешь оперировать – не лезь, а пока лезешь, то посылай я тебя буду куда захочу! У меня еще есть адреса! – неожиданно закончила она строкой из Мандельштама.

Максимов фыркнул и, картинно швырнув перчатки в таз, покинул операционную. Анестезиолог, сдав Стасу больного, последовал за ним.

В принципе Зоя Ивановна была не права. Никто не застрахован от ошибок, все пациенты разные, и вариации их внутренней анатомии, усугубленные заболеванием, поистине безграничны. Ошибка происходит не от незнания анатомии или ручной неумелости, а в силу отклонений от нормы. Никто не застрахован от фатальных оплошностей, и хирург, твердо убежденный, что уж он-то никогда не ошибется в идентификации сосуда, на самом деле просто самоуверенный идиот. Но доктор должен быть уверен, что сумеет заметить и исправить свою оплошность, иначе не стоит самостоятельно оперировать. Ведь, определяя операбельность, хирург принимает в расчет и собственные возможности.

И Зоя Ивановна ругала Максимова именно за самоуверенность, а вовсе не за то, что он случайно пересек нижнюю полую вену. Сейчас существует много методов диагностики, дающих точную информацию о размерах и расположении опухоли, значит, Максимов заранее знал, что невринома связана с крупными сосудами. Ему следовало сразу попросить Зою об участии в операции.

Стас убавил скорость инфузии. Интересно, сколько времени Максимов пытался сладить с ситуацией самостоятельно? Венозный возврат почти на нуле. Нужно срочно определить время свертывания крови и, если оно нормальное, ввести гепарин.

Зоя не подкачает, поставит протез в самом лучшем виде, за техническую часть можно не волноваться. Значит, жизнь больного сейчас целиком зависит от его анестезиологического мастерства. Нужно поддерживать функции организма в условиях, когда венозная кровь не поступает от нижней половины тела.

Вытащить пациента стало для Стаса не только врачебным долгом, но и делом чести. Если тот, не дай Бог, умрет, Максимов начнет всем подряд рассказывать, что Зоя умеет только оскорблять и материться, а на самом деле оперирует ничуть не лучше его.

Грабовский сочувственно вздохнул. Бедная Зоя Ивановна! Ему-то что, знай измеряй параметры гемодинамики и заказывай анализы, а потом думай, как компенсировать все это безобразие. А начальнице нужно сшить стенку вены, по виду напоминающую шкурку помидора, с грубой пластиковой трубкой, используя нить толщиной с человеческий волос. И сде-

лать это после напряженного рабочего дня, в течение которого она провела две сосудистые операции.

Наказав Алисе последить за больным, Стас выскочил в коридор и позвонил Варе. Та сказала, что все понимает, пусть Стас работает спокойно. С подругой она идти не хочет, на работу тоже не поедет, какой смысл? Родители все равно не разрешат ей ночевать в клинике, и уставшему Стасу, вместо того чтобы перейти улицу и рухнуть на кровать в собственной общаге, придется тащиться ее провожать, а потом обратно. Лучше она останется дома и приготовит его любимые пирожные.

«Все так, – подумал Стас уныло. – Провожать действительно будет влом, особенно если мы не сможем быстренько заняться любовью. Но лучше бы она все равно приехала. А пирожные эти долбанные... Я и не люблю их, это они с мамашей решили, что я их люблю. Назначили меня фанатом корзиночек. Кормят теперь. А скажешь, лучше сосиски мне сварите, обидятся».

Зоя Ивановна быстро вшила протез. После того как пустили кровоток, состояние больного стало улучшаться на глазах. В реанимацию Стас передавал уже стабильного, готового к экстубации⁵ пациента.

Вернувшись в отделение, они обнаружили в ординаторской Максимова. Наверное, в нем проснулась совесть и заставила дожидаться известий о судьбе пациента, которого он чуть не отправил на тот свет.

– Можешь расслабиться пока, – проворчала Зоя, глядя на Максимова.

– Спасибо. Кажется, в операционной мы оба погорячились...

– Проехали!

– Знаешь, ты, пожалуй, лучший сосудистый хирург, которого я знаю.

Стас с Зоей Ивановной переглянулись с легким ужасом. Это надо же, Борис Владиславович кого-то хвалит!

– Ты не сглазь! А то будет как в стишке – медицинское светило утопает в похвалах, а больного ждет могила, ибо так судил Аллах! Погоди хвалить.

Максимов вежливо улыбнулся. Он любил черный юмор.

– Я тоже недавно неплохую частушку слышал. Пришел хороший анализ, лежу в гробу – какой каприз!

– Разве это частушка? – усомнилась Зоя. – По форме больше похоже на это, как его... хокку!

Стас полистал историю болезни, проверяя, не забыл ли он заполнить какую-нибудь графу.

– Хокку, саке, гейши и харакири – вот что нас губит, – вздохнул он.

– Кстати о саке и гейшах! Мужики! Поехали ко мне на день рождения! Стас, не вздумай отнекиваться! – Зоя грозно встала в дверях. – И ты, Боря, собирайся. Выпьем на брудершafft, официально на «ты» перейдем. Не будем терять время, нам в Петергоф пилить.

– В Петергоф? – ахнул Стас.

– Ага, мой одноклассник Яша Розенберг в мою честь прием устраивает в своем загородном доме. Я поэтому и взъелась на тебя, Боря. Человек ради меня старался, народ созвал, а я черт-те чем занимаюсь. Без обид?

Максимов снисходительно кивнул. Он даже готов был оплатить такси до Петергофа, но Стас настоял, чтобы принять половину расходов на себя. Зоя, вспомнив, что она женщина, решила не требовать, чтобы ее тоже взяли в долю.

«Какую шикарную жизнь я веду последнее время! – весело подумал Стас. – Катаюсь на такси, еду в загородный дом на вечеринку...»

---

⁵ Экстубация – завершающий этап наркоза, перевод на самостоятельное дыхание.

Зоя отпустила машину на шоссе, так что по сумрачным тихим улицам коттеджного поселка они шли пешком. Начальница торопилась – после того как она закончила операцию, ей то и дело звонили на мобильный, не слишком трезвыми голосами осведомляясь, скоро ли она появится, и подначивая сообщениями, что выпивка подходит к концу.

Стасу же, напротив, торопиться не хотелось. Так приятно было вдыхать еще не остывший после теплого дня вечерний воздух, слушать нежный шум листвы и угадывать в сгущающихся сумерках причудливые контуры особняков.

На душе воцарилось какое-то странное щемящее настроение, то ли предчувствие чуда, то ли грусть...

Нужное место Стас заранее угадал из-за веселых голосов, музыки, модной в девяностые годы, и гирлянд фонариков, развешанных по забору и кронам деревьев.

– Наконец-то! – Хозяин дома, невысокий крепыш аэродинамических пропорций, бросился навстречу Зое Ивановне. – Счастье мое, был ли в твоей жизни хоть один день рождения, на который ты попала? Сколько себя помню – гости маются, водка стынет, а дорогая именинница оперирует.

Хмыкнув, Зоя Ивановна представила своих спутников, и Розенберг повел их к столу, устроенному прямо в саду. Гостей насчитывалось человек двадцать, и, наверное, все они были хорошими друзьями именинницы, ибо не теряли времени в ее ожидании, уверенные, что она простит им разграбление стола. Большинство уже насытилось, и кто-то даже танцевал на гравийных дорожках сада. Когда хозяин громогласно возвестил о появлении Зои, все подтянулись к столу и взяли бокалы. Стали чокаться, целоваться, говорить праздничные приятности.

Стас чувствовал себя неловко. Во-первых, он был намного моложе всех собравшихся, во-вторых, никого из них не знал и, в-третьих, не приготовил даже маленького подарка. Зоя, увлеченная старыми приятелями, не собиралась опекать его. Стас решил уйти в тень, но тут его легонько тронули за локоть. Очень симпатичная молодая женщина, приветливо улыбаясь, наполнила его тарелку деликатесами и подала бокал вина.

Грабовский ужасно проголодался за день. Аккуратно доев содержимое тарелки, он хотел наполнить ее еще раз, но тут увидел Любу – и моментально забыл о еде.

Люба стояла поодаль, загадочная и прекрасная в неверном золотистом свете фонариков. Совсем одна, с растерянной улыбкой на лице. Стас понял, что она так же одинока на этом празднике, как и он.

Сегодня она была совсем другой, чем тогда, в автобусе. Темное вечернее платье – в сумерках и не поймешь, какого цвета, – подчеркивало тонкую талию, а декольте чуть не свело Грабовского с ума. Он обожал такие лифы, когда платье без рукавов и бретелек держится неизвестно на чем и, кажется, готово упасть при глубоком вздохе. У Любы оказались очень красивые плечи и, насколько можно было рассмотреть, небольшая высокая грудь. В меховой накидке, на фоне куста шиповника Люба была похожа на старинный портрет.

Поставив тарелку на первую попавшуюся плоскость, Стас решительно двинулся к ней.

– Разрешите вас пригласить?

Люба кивнула, и они, не очень попадая в музыку, вышли танцевать под древний хит. Люба танцевала неважно, робко, делая слишком мелкие шаги, но Стасу было все равно. Он наслаждался, что его рука лежит на ее талии, а вторая сплетается с ее рукой, что на его щеке тепло от ее дыхания и что у нее так приятно пахнут волосы... Осмелев, он потихоньку увлек Любу подальше от эпицентра праздника – за линию кустов, где весьма кстати обнаружилась уединенная беседка.

Люба не хотела уединяться, но Стас был настойчив.

– Я так хочу посмотреть на вас при свете луны, – сказал он выпренок.

– Да? Думаете, я оборотень и у меня отрастут сейчас клыки и шерсть? – Увы, объятия Стаса Грабовского совсем не будоражили эту женщину.

– Хочу увидеть, сможет ли луна сделать вас еще красивее, чем вы есть. – Образ красавицы девятнадцатого века располагал к тяжеловесным комплиментам. – Вы мне так нравитесь, – шептал Стас в маленькое розовое ушко. – Если бы вы только знали, как я рад видеть вас здесь... Люба...

Следовало завязать светский разговор, ведь при первой встрече Зоя даже не представила их друг другу, но этот чудесный вечер опустился на землю не для пустых бесед.

– Я думал о вас, – прошептал Стас, усаживая Любу на скамью в беседке.

У Стаса был высоковатый для мужчины голос, поэтому приходилось шептать, чтобы в самый ответственный момент не дать петуха.

– Но вы меня совсем не знаете...

– Это не важно. Не зная вас, я всю жизнь о вас мечтал... – Стас взял ее руку в свои. Пальцы были совсем холодными, поэтому Грабовский решительно натянул на Любины плечи сползшую меховую накидку. – Мне кажется, я думаю о вас, сколько себя помню.

Люба отстранилась и хихикнула.

Они сидели рядышком на скамье беседки, вокруг, за ненадежной линией кустов, танцевали и веселились люди, играла музыка... Но для Стаса весь земной шар сжался до размеров крошечного астероида, как в «Маленьком принце». Астероид бешено крутился, и на нем с трудом помещалась беседка.

Грабовский обнял Любу за плечи и притянул к себе, осторожно, еле касаясь, пробуя губами мочку уха. Потом легонько взял ее за подбородок.

Люба рассмеялась:

– Перестаньте! Так себя не ведут даже герои сериалов! – Но не сделала ни малейшей попытки встать, наоборот, осторожно положила руку на колено Стаса.

А потом был головокружительный, неуправляемый поцелуй, когда тела действуют независимо от воли своих обладателей. Они встали и прижались друг к другу крепко, как только могли. И только когда желание Стаса стало слишком явным, Люба отпрянула.

– Это все так странно, – сказала она, поправляя корсаж резким движением.

– Да.

– Если разобраться, мы абсолютно незнакомые люди.

– Так точно.

– Это просто наваждение какое-то...

– Да, это очень сильное наваждение.

– И мы говорим как идиоты! – Люба досадливо топнула ногой, но тут же спохватилась: – Простите, это у меня профессиональное. Я пишу сценарии мелодрам, поэтому в жизни совершенно не переносу слащавости.

– Тогда что ж... – Стас сам удивлялся, как ему удастся боготворить Любу, хотеть ее и в то же время быть таким развязным и непринужденным. – Меньше слов, больше дела.

Второй поцелуй оказался так же сладок, как и первый. Люба отвечала Стасу доверчиво и нежно. Ему удалось усадить ее на перила беседки.

«Будем надеяться, – думал он, – что никто сюда не забредет. Зоины друзья слишком старые, чтобы обниматься по беседкам...»

Остановились передохнуть. Глаза обоих дико блестели в темноте.

Стас мягко взял Любу за плечи.

– Тебе чего-нибудь принести? Мороженого? Я слышал, что будет мороженое. Хочешь?

– Ага... Прямо как в старом фильме про Золушку, помнишь? Сколько там ей принесли, сто порций?

– Я помню этот фильм. Смотрел его, когда был совсем маленький. У нас дома стоял древний телевизор, и он все показывал в зеленом свете. Так было, знаешь, сказочно... Сейчас принесу, только ты не исчезни, ладно?

Оказалось, они целовались в беседке целую вечность. Стол с закусками давно убрали, а десерт подали в доме. Немного конфузясь, Стас переступил порог и тут же был схвачен начальницей.

– Где ты болтаешься? – спросила она строго.

– Я...

На ум ничего не приходило, но Зоя Ивановна лучше его знала, где он был:

– Ясно, сидел на кухне и питался! Надеюсь, ты не особо запивал хотя бы?

– Как можно, Зоя Ивановна!

– Ладно, дело молодое. Диана, – обратилась она к молодой жене Розенберга, – выдай ему сухой паек, нам ехать надо. Шунт встал. Дашь наркоз?

Стас обреченно кивнул. Кажется, Зоя Ивановна задалась целью разрушать все его любовные дела. Хотел с Варей в филармонию сходить – остался на операцию, хотел быть с Любой – снова здорово! Или это больной так подгадал, чтобы Стас остался с носом?

Тромбоз шунта, стало быть. Частое осложнение, которое зависит от многих факторов, не только от мастерства хирурга. Плохо подготовленный протез, характеристики свертывающей системы крови больного... Вот это уже напрямую зависит от анестезиолога! Хотя Стас дал большую дозу гепарина, даже чрезмерную, если учитывать объем кровопотери. Теперь придется удалять тромб, а если не поможет – заново перекладывать шунт.

– Зоя Ивановна, пять секунд! – Пусть думает, что ему надо в туалет.

Она крикнула, чтобы Грабовский выходил к воротам, а они вместе с Максимовым вызовут пока такси.

– Сглазил все-таки, – мрачно добавила Зоя.

Не задумываясь, как он выглядит со стороны, Стас схватил креманку с мороженым и устремился в беседку.

– Вот! Мороженое! А я должен бежать. Прямо сейчас, извини.

– Что случилось?

– Зоя Ивановна едет оперировать, я с ней.

– Это обязательно?

– Спрашиваешь! – На счету была каждая секунда, но Стас все-таки привлек Любу к себе. – Если я сейчас же не поеду, она, как настоящая добрая фея, превратит меня в тыкву.

– Хоть бы хрустальный башмачок оставил! – В Любином голосе ему отчетливо послышалась насмешка.

Глава 3

Люба знала, что Зоя, так поспешно бросившая ее в незнакомой компании, обязательно зайдет извиниться. Поэтому она спокойно дожидалась подругу, чтобы в непринужденной обстановке выведать все о своем загадочном воздыхателе.

Люба приготовила салат оливье, купила любимого Зоиного печенья и держала свет во всех комнатах включенным, чтобы Зоя не подумала, будто она легла спать.

Соседка робко позвонила в дверь в одиннадцатом часу.

– Проходи. Ты с работы?

– Угу. – Зоя опустила в кресло и протяжно, не стесняясь, зевнула. – Устала ужасно.

– Посиди пока, я ужин подам. Можно курить.

Поблагодарив рассеянным кивком, Зоя достала из сумочки сигареты.

– Вроде я есть не хочу. Минералки только если или сока.

Люба поспешила на кухню. По сравнению с Зоей она всегда казалась себе бездельницей, и когда та приходила в гости, старалась получше ей угодить.

– Вино будешь? – крикнула Люба, и Зоя, в одних чулках, не выпуская сигареты изо рта, появилась в дверном проеме.

– О, плитка холодненькая, как приятно... – Зоя немножко походила по кафельному полу кухни и примостилась на табуретке. – Давай свое вино. – Она энергично потерла лоб, и несколько прядей выпало из сложной прически. – «Вчера котов душили-душили... душили-душили...» – процитировала Зоя «Собачье сердце». – Устала я как сволочь! А кроме тебя, никто не пожалеет, вина не нальет! Ты, пожалуйста, не сердись, что я тебя бросила у Розенберга! Нужно было с собой забрать, но я как-то не додумалась. Диану попросила, чтобы она о тебе позаботилась. Она позаботилась?

– Да.

– Ну и ладно. А мне как позвонили дежурные врачи, как начали визжать, что больной помирает, так у меня сразу посторонние мысли из башки вынесло.

– Зоя, я совершенно не обижаюсь.

Люба достала высокие бокалы, бросила в них по кубику льда и наполнила золотистым вином, не будучи уверена, что правильно подает благородный напиток. Делая ремонт, она оборудовала невесть зачем устроенную в стене нишу под бар, теперь приходилось держать в доме несколько бутылок спиртного. Правда, недавно в гости заходили коллеги, и от всех запасов осталось только полбутылки муската.

Подруги чокнулись и выпили. Зоя залпом, Люба – глоточек.

– Так грустно жить одной, – начала она издалека.

– Ты мне это говоришь? – тут же взвилась Зоя. – Поверь, одной все равно лучше, чем с каким-нибудь говнюком! Тебе грустно потому, что ты не была еще замужем. Поверь, не такой уж это мед.

– И теперь вряд ли уже выйду, – вздохнула Люба. – Мне ведь уже тридцать. Почему так, Зоя? Вроде я не страшная?

Зоя решительно налила по новой.

– Может быть, это тебе такая кармическая месть за то, что ты засираешь мозги несчастным бабам всякими идеями о вечной любви и о богатых, сильных, добрых, понимающих, романтичных и так далее мужиках, которых они обязательно встретят? Не обижайся, но лучше бы ты фэнтези про гномиков писала. И то правды бы больше было.

– Да? Так вот хочу тебе заметить, что на твоем дне рождения я познакомилась с романтическим мужиком! И он сказал, что полюбил меня с первого взгляда!

Зоя пожала плечами:

– Поздравляю!

Потом до нее дошло, что это не просто аргумент в их старом споре, а программное заявление о том, что у подруги началась личная жизнь. Потушив сигарету, Зоя сгруппировалась на табуретке, подперев голову кулаками, и жадно уставилась на Любу:

– Ну, рассказывай! Кто же этот герой?

Люба задумчиво сняла очки:

– Это очень хороший вопрос. Потому что я хотела узнать ответ у тебя.

– В каком смысле?

– В простом. Он не сказал, как его зовут, наверное, думал, что я запомнила, когда нас всех друг другу представляли. А я была без очков! Ты же знаешь, в линзах я не могу долго ходить, а очки не лучший аксессуар к вечернему платью.

Зоя покосилась на упомянутый предмет – консервативная оправка, больше подходящая научному работнику, чем эффектной женщине, и толстые стекла.

– Ну вот... Я же почти слепая, Зоя. Если бы он еще подошел ко мне в доме, я смогла бы уловить хотя бы общие очертания, но в саду было совсем темно...

– Забавно. А каков он, так сказать, на ощупь?

Люба расхохоталась:

– Вообще не из нашей деревни! Если серьезно, он худенький такой. Да я, честно говоря, стеснялась особо его трогать.

– Ясно.

– А ты, случайно, не видела, с кем я была?

– Случайно, нет. Мы весь вечер просидели с Розенбергом. Он меня ругал, зачем я Максимова привела, какие-то у них, оказывается, личные счета... Потом вспоминали юность. С остальными-то я часто встречаюсь, а Яша редко бывает в Питере. Так что единственное, что могу сказать: это не Яша. Слушай, он же должен был хотя бы у тебя телефон попросить. Или свой оставить, если такой влюбленный!

– Он поехал с тобой на операцию, мы даже толком не попрощались.

– А, тогда это Максимов!

– Максимов? Кто он?

– Романтический красавец, как ты говоришь. Хотя на самом деле он дикий зануда. Просто председатель всех зануд. Мудило гороховое, между нами, девушками. Извини, что приходится тебя разочаровывать, но кто предупрежден, тот вооружен.

Теперь уже Люба поспешно наполнила бокалы.

– А мне, наоборот, показалось, он веселый, энергичный...

– Если ты сто лет сидишь без мужика, то любой урод, признавшийся тебе в любви, покажется супергероем.

Люба грустно кивнула. Помолчали. Вино кончилось, Люба убрала бутылку под стол. Заварила зеленого чая, достала, не спрашивая, салат, нарезала хлеба и колбасы. Самообман и нежелание принимать реальность, как она есть, – вот главные враги женщины. Если кто-то, описывая твоего избранника, начинает фразу со слов «на самом деле», считай, что ты пропала.

Зоя – человек резкий, но здравомыслящий. Кроме того, она врач, а эта профессия вырабатывает чутье на людей. Если Зоя говорит, что человек – зануда, значит, так оно и есть. Ходи потом, доказывая всем и себе самой, что ты разглядела тайные глубины...

– Он, Любаша, жутко правильный. Только правила знает большей частью не для себя, а для других. Если ему что-то положено, то дай-подай, хоть трава не расти. А может, если подумать, не такой уж и плохой вариант. Во-первых, не женат. Во-вторых, не пьет. Профессор, заведующий кафедрой опять-таки, не дядя Вася сантехник.

Зоя сочувственно улыбнулась, понимая, что список достоинств Максимова оказался удручающе коротким.

– Но знаешь, он так говорил... Будто у меня в компьютере текст подсмотрел...

– Ой-ей-ей, можно подумать, ты у нас эксклюзивный автор сладких диалогов! Прости-прости, каждый зарабатывает, как умеет. – Зоя попробовала салат. – Очень вкусно. Я вот что подумала. Максимов считает себя величайшим умом современности и вообще образцом всех достоинств. Соответственно, ищет себе жену под стать. Ну и запал на тебя – видная, богатая, ведешь себя прилично. Чем не подруга жизни? А раз он такой правильный, то и ухаживать будет правильно. Раз полагается романтика, значит, получите. Можно ведь поднапрячься и поизображать романтика три часа из семидесяти положенных тебе лет жизни! Нет, Люба, серьезно, с ним вы можете образовать вполне респектабельный союз. Только вот тебе придется всю дорогу строить из себя достойную жену профессора, малейшие промахи будут жестоко караться.

– Так вроде я к разгулу склонности не питаю...

– Дай Бог. – Зоя грустно улыбнулась. – Но помни: если мужик подбирает тебя на роль жены, он в любой момент сможет заменить артистку. А вот если среди миллиона баб ему нужна ты одна и он говорит: «Делай что хочешь, только будь со мной», – тогда все будет правильно.

– Я, пожалуй, в магазин сбегаю. – Люба вышла в коридор и накинула ветровку. – Такой у нас разговор серьезный...

Магазин находился прямо в доме. Это была маленькая лавочка, удовлетворявшая все незамысловатые потребности одинокой женщины, постоянно сидящей на диете. Не выдерживая конкуренции с открывшимся неподалеку супермаркетом, заведение потихоньку хирело, Люба оставалась в числе немногих постоянных покупателей, и продавщицы ею дорожили. Ей рекомендовали только хорошие и свежие продукты, взвешивая овощи, никогда не подсовывали гнилье и, наверное, не очень обсчитывали, хоть Люба никогда не проверяла.

Она взяла сухого вина. Не то чтобы хотелось напиться, просто две одинокие бабы, собравшиеся на конференцию по теме «Все мужики хамы и в упор не видят моих достоинств», без бутылки выглядят как-то нелепо.

Пока Люба ходила, Зоя вымыла посуду и проветрила кухню.

– Я позвонила Борису, – важно сообщила она. – Чтобы разведать обстановку.

– Зачем, Зоя? Пусть бы он сам...

Зоя фыркнула:

– До пенсии, что ли, его дожидаться? Он бы сто лет придумывал благовидный предлог, чтобы спросить у меня твои координаты и не показаться при этом идиотом.

– Вообще бояться показаться идиотами только настоящие идиоты. Потому что им приходится специально маскироваться.

– А я тебе легкой жизни не обещала! Главное, он про тебя спрашивал. Какая, говорит, интересная женщина, ах-ах, Зоя Ивановна, неужели это ваша подруга? Вот козлина! – сказала Зоя с чувством. – Что, у меня уже не может быть красивых подруг?

– Ну и? – Несмотря на то что Люба строго запретила себе поддаваться чувствам, сердце ее замерло.

– Сказал, что с удовольствием бы поухаживал за тобой. Так что я назначила ему свидание в пятницу у себя в кабинете. Типа обсудить перспективы совместной работы. А заодно провести больного, которого он чуть не угробил. Короче, подъезжай часикам к пяти.

– Ты прямо настоящая сваха...

Сроки, определенные редактором для разработки синопсиса, подходили к концу, а Люба все не могла придумать ничего толкового. Концепция была ей ясна давно, от идеи приключений Золушки в нашем непростом мире она отказываться не собиралась, но никак не приходил в голову тот «изюм», что сделал бы ее сценарий по-настоящему захватывающим. Особенно трудно давался мужской персонаж. О быте олигархов Люба знала только понаслышке, но пред-

полагала, что у несчастных толстосумов при их размеренной защищенной жизни остается не так много возможностей проявить себя во всем блеске.

Она позвонила Зое посоветоваться, но та лишь цинично рассмеялась:

– В каком же мире мы живем, если баба не только не может получить нормального мужика, но даже вообразить его себе не в состоянии! – и повесила трубку.

Наверное, поняла Люба, торопилась на операцию. «В каком мире, в каком мире!» – раздраженно подумала она. А потом сообразила, что мало знает об этом мире. У нее такая работа, что месяцами можно не выходить из дома и понятия не иметь, что происходит вокруг. Сколько она уже живет в своей вымышленной, фантастической вселенной, где обитают сказочные существа, лишь отдаленно похожие на людей? Может быть, ей нужно ходить на работу, например, преподавать литературу и русский язык в школе? Она станет ближе к жизни. Но времени для сценариев будет меньше, и она существенно потеряет в деньгах.

«Нужно изучать жизнь!» – под этим лозунгом Люба собралась и поехала к Зое на работу. Она повезла ей фаршированные перцы и пирог с капустой, якобы подбодрить подругу во время напряженного трудового дня. В последнюю минуту на скорую руку приготовила еще и ореховое печенье – дел на полчаса, зато очень вкусно и хранится долго.

В кабинете Зои не оказалось, зато на ее кожаном коротком диванчике лежал, высоко задрав ноги на спинку, худощавый мужчина средних лет. Увидев, как Люба робко просовывает голову в приоткрытую дверь, он поспешно вскочил.

– Добрый день. – Люба узнала профессора Колдунова, с которым уже несколько раз виделась. – А Зоя Ивановна скоро будет?

– Не могу знать! Да вы не стойте в дверях, располагайтесь. Она у начмеда. Кофе хотите?

– Нет нет, спасибо. А вы дежурите сегодня?

– Упаси, Господи! Я с суток. Зато я теперь точно знаю, что Бог есть! – неожиданно закончил Колдунов.

– ?!

– Вчера вечером принял дежурство такой уставший, что «мяу» не мог сказать. Днем две резекции желудка, одни «штаны»... аорто-бедренное шунтирование то есть, – поправился он, заметив Любин недоуменный взгляд. – Многовато даже для такого закаленного парня, как я. И терапевт со мной, три инфаркта приняла. Сидим, глаза в пучок, и тут она говорит: «Господи, если ты есть, пожалуйста, сделай так, чтобы сегодня ночью нас не дергали. Умоляю тебя, Господи!» И представляете, до утра ни одного больного! Я спал как ангел, утром сестры еле на отчет меня добудились. Так что Бог есть, можете больше в этом не сомневаться.

Разговаривая, Ян Александрович заварил кофе, отчего по кабинету разлился упоительный аромат.

– Вот, извольте, – он протянул Любе изящную чашку. – Я так запросто хозяйничаю в кабинете Зои Ивановны, потому что мы с ней старые друзья. Она не обидится.

Люба выглянула в длинный коридор. Зои на горизонте не было.

– Скажите, а эта операция, она у вас скоро?

– Не знаю. Стою в третью очередь, стало быть, пойду, когда закончатся первые две. Может быть, сестры еще чаю попить захотят, не знаю. Мне позвонят. А почему вы спрашиваете?

– Думаю, не покормить ли вас? У меня кое-что из дома захвачено.

– Покормить, ясное дело, тут и думать нечего! – оживился Колдунов. – Нас, конечно, кормят с больничной кухни, но после здешнего супа ощущения, будто бетону напился. И называется это щадящей диетой.

Люба достала перцы и разогрела в микроволновке. На подоконнике стояла старенькая печка, которую Люба узнала – именно она отдала эту печку подруге, когда купила себе новую. Пока контейнер со страшным шумом крутился, подогреваясь, она выложила на низкий журнальный столик пирог и печенье.

Колдунов внимательно наблюдал за ее действиями.

– Вы настоящая фея, Люба! Именно фаршированных перцев и пирога мне не хватало для того, чтобы ощутить себя совершенно счастливым! – Профессор заработал вилкой. – А что вас привело на нашу фабрику здоровья?

Люба смутилась. Ей неловко было признаваться, что она собирает материал для нового сценария.

– Ничего особенного. Просто нужно было в центр по делам, и я подумала, что Зое не помешало бы подкрепиться. – Она небрежным жестом обвела накрытый стол.

– То есть вы сами здоровы? – строго спросил Ян Александрович. – И у вас нет проблемы, которую я мог бы помочь решить?

– Спасибо за заботу, но нет.

Доев, Колдунов молниеносно вымыл тарелку, Люба не успела его остановить. Потом открыл контейнер и полюбовался содержимым.

– Восхитительные перцы! Я бы с удовольствием съел еще порцию, но нельзя быть эгоистом. Так... Это Зое, а это Стасику. Только-только хватит. Он, бедняга, когда выползет из операционной, буфет уже закроется, а с тормозком я ни разу его не видел.

– С каким тормозком? – удивилась Люба.

– Это у шахтеров так еда из дома называется – тормозок. Стасику что-то его девушка никогда с собой не дает. Странно вообще-то. Мне вот жена сколько лет живем, столько и сует ссобойку, хоть я каждый раз отказываюсь.

– Почему отказываетесь?

– Честно говоря, из экономии. У меня минимум двенадцать дежурств в месяц, когда я дома не ем, то на больничной кухне сижу. Даже если считать по сто рублей, тысяча двести – прибавка в семейный бюджет. А жене говорю, что меня бесит просто с контейнерами возиться.

– Интересное слово – «тормозок», – деликатно перевела Люба разговор с темы вечного безденежья многодетного профессора.

– Знаете, есть очень много разных забавных слов. Когда я гостил в деревне у Яши Розенберга... Да вы же его знаете, это Зоин однокурсник, известный пластический хирург. Он, кстати, в своем доме прием в честь Зоиного дня рождения устраивал. Вы там были?

Люба кивнула, с грустью и восторгом вспомнив свои приключения в беседке.

– Мы с Катей тоже собирались, – продолжал Колдунов, – но дорогая теща в последний момент отказалась с детьми сидеть. Так вот о диалектах: мы с ним в деревне баню натопили, собираемся париться, и вдруг он мне говорит: давай блюдо! Я ему: на что тебе в бане блюдо? А он: ищи блюдо, и все! Я говорю: слушай, Розенберг, ты еще в бане не был, а уже угорел. Нет, говорит, это я не понимаю, как ты без блюда мыться будешь. Ладно, думаю, спорить бесполезно, полез в буфет, нашел там фарфоровое блюдо с розочками и ему несу. Он увидел меня да как заржет! Оказывается, блюдо у них – это таз по нашему. Который не шайка, а, наоборот, без ручек, с плавными контурами.

– Очень интересно, – вежливо сказала Люба.

В этот момент дверь с треском распахнулась, и спиной вперед в нее влетела Зоя.

– Я тебе сказала, что нужно ставить дренаж! – взревела она грозно, обращаясь к невидимому Любе собеседнику, предположительно оставшемуся в коридоре. – Без дренажа рана стопудово нагноится! Откажешься – мне не жалко, можешь лежать, гнить сколько хочешь! Нет, гний! То есть гней! Короче, ты меня понял. Иди пока в палату, я тебя вызову, как перевязочная освободится. – Она наконец развернулась. – О, Любана, привет! Какими судьбами? Слушай, ты же у нас филолог, как будет правильно от «гнить»?

Люба задумалась:

– Вроде и нет такой формы.

– Это специально, чтобы люди друг другу гнить не желали, – заметил Колдунов. – А ты знаешь, что к нам спустился ангел с нектаром и амброзией?

Зоя кинула на него тяжелый взгляд:

– Ты, Колдунов, поаккуратнее! Пятеро детей у тебя, забыл?

– Бог с тобой! Я просто хотел сказать, что Люба нам поесть принесла. Садись скорее, все горячее еще.

– Другое дело.

Зоя бросила на стол пачку историй болезни и стала мыть руки.

– Они там совершенно охренели, – сказала она мрачно, положив в тарелку фаршированный перец. – Так меня выдрали за плохое оформление документов, что я до сих пор распрямитесь не могу. Главное, если бы хоть по делу было, а то цепляются ко всякой фигне. Тут подписи нет, тут обход заведомо не записан. Подождите, говорят, сейчас мы вас особо круто рублем наказать не можем, но уже придумана новая форма оплаты труда, и большая часть зарплаты будет теперь распределяться на усмотрение администрации. Тут-то мы вас научим родину любить. Создадим специальный экспертный отдел, который будет определять, кто как работает и кому сколько начислять денежек. Я говорю: вам мало дармоедов? Вы уж сразу тогда начните нас под конвоем на работу выводить. Парочку надзирателей приставьте к каждому доктору, пусть смотрят, чтобы он все графы ваших идиотских документов заполнял и ни в коем случае денег не брал с пациентов.

– А я ведь еще помню благословенные времена, когда история болезни писалась для врачей, а не для страховых компаний, – мечтательно сказал Колдунов. – Когда история заводилась для того, чтобы врачи понимали, что происходит с пациентом, и отслеживали динамику. Исследователи потом использовали истории в научной работе. И то мы стонали, что много бессмысленной писанины. А сейчас история болезни служит, кажется, одной-единственной цели – чтобы страховой компании было к чему прикопаться и снять денежки. Любой специалист понимает: когда он заводит историю, он заводит прежде всего компромат на самого себя. Поэтому он отражает там не то, что на самом деле происходит с пациентом, а то, что должно быть, чтобы страховая оплатила случай. Меня раз вызывают к начмеду. Сидит там наш зам по экспертизе, девка эта полоумная, которая за всю свою карьеру ни одного больного не вылечила, и важно так заявляет: Ян Александрович, вы совершенно не умеете оформлять истории болезни! Я спокойно так ей отвечаю: деточка, я истории писал, когда еще твоя мама с твоим папой знакома не была, и написал их за свою жизнь столько, что, если бы я их не писал, осталась бы цела большая березовая роща. А она открывает передо мной историю с таким трагичным видом, что я даже испугался. Неужели, думаю, я в пьяном виде выдал какой-нибудь нецензурный текст? Смотрю, нет, вроде все нормально. В чем дело, спрашиваю. – Колдунов сделал эффектную паузу и закурил. – Оказывается, я, о ужас, написал: санация раны.

– А что такого? – удивилась Зоя. – Слово «санация» короче, чем слово «обработка». На целых две буквы. А если учесть, что мы заполняем по тридцать историй в день...

– Зочка, тебе понятно, что такое «санация раны»?

– Да.

– Вот именно. Любому врачу понятно, что я имел в виду. А она в претензии, почему я не указал в истории, что использовал для этого трехпроцентную перекись водорода! Как будто, если я этого не укажу, все подумают, что я saniровал рану борщом или там водоемульсионной краской для потолков.

– Да кошмар вообще! – В сердцах Зоя ударила ладонью по столу. – Ведь кто нас проверяет? Бестолковые бабы, ни черта не понимающие в клинической работе! Вот мне как-то дико нужны были деньги. Машину хотела купить. Думаю, возьму отпускные, ухну их на машину, а чтобы не сдохнуть с голоду, найду себе временную работку. Собралась в супермаркет яблоки фасовать, но потом меня профессор Миллер к себе в больничку забрал, у него как раз врачей

не было. И я подумала: допустим, фасую я эти несчастные яблоки, а за моей спиной сидят пятеро проверяющих, которые получают деньги из моей зарплаты. По каждой порции я даю им листочек, в котором указываю сорт, вес яблок, вид пленки и то, каким способом я их фасовала. По этим листочкам проверяющие оценивают, хорошо я работаю или нет, стоит ли мне вообще платить зарплату или, может, им поделить ее между собой? При этом проверяющие ни разу не видели в глаза ни яблок, ни пленки, ни весов. Также они не дают себе труда выйти в торговый зал и спросить у покупателей, довольны ли те моим трудом. Стала бы я на таких абсурдных условиях работать фасовщицей? Да ни за что в жизни! А вот врачом на этих условиях почему-то работаю.

– Машину-то купила? – невпопад спросил Колдунов.

– Нет, на нормальную не хватило, а ведро с гайками я брать побоялась. Вообще страховая медицина для нашей страны, – заговорив на болезную тему, Зоя уже не могла остановиться, – дело просто убийственное! После нескольких лет работы по этим извращенным правилам, после абсурдных наказаний вроде твоего, Ян, за санацию раны, у врача, который тоже человек и иногда хочет кушать, поменялись в голове все ориентиры. Теперь его цель – не вылечить больного, а закрыть страховой случай. Главное, государство-то выделяет деньги на здравоохранение! Но, пропущенная сквозь многочисленные фильтры страховых компаний, эта питательная жидкость на выходе превращается практически в дистиллированную воду.

Колдунов хмыкнул. При слове «питательная жидкость» он встрепенулся, достал из холодильника бутылку вина и показал дамам.

Зоя кивнула, и он налил понемногу в кофейные чашки.

– Давайте пейте. За мое здоровье. Я перед операцией не могу. Вот смотри, Зоя, какой парадокс. Для чего вообще страхование? Почему нельзя перечислять деньги в медицинские учреждения напрямую из бюджета?

– Да почему нельзя? Можно, если не ставить целью большую их часть украсть.

– Не шуми. Если отменить страховые компании, как регулировать финансовые потоки? Тогда пришлось бы каждого человека прикрепить к определенному медицинскому учреждению и выделять этому учреждению средства из расчета количества людей, закрепленного за ним. А если человек хочет лечиться у другого врача или заболел вдали от дома? Именно для этого и придуманы страховые компании, чтобы, оказав человеку помощь, больница связалась с компанией и та оплатила расходы по его лечению. Вот главный смысл. А у нас почему-то не так. Если ты застрахован в области, изволь лечиться в области, если в Питере – то в Питере. Иначе не оплачивают. То есть не выполняют ту функцию, ради которой и были созданы.

– Дорогой Ян, единственная функция, ради которой были созданы страховые компании, – это сосать бабки из населения и врачей. Люба, перцы – прелесть! Ты хочешь меня дожидаться? У меня работы еще много. Сейчас пойду орлу одному рану санировать, применяя трехпроцентную перекись водорода, потом кучу историй переписывать... Раньше пяти не освобожусь.

– Тогда я побегу. У меня еще в городе дела. – Люба допила вино и отправилась домой. Никаких дел у нее в городе не было.

Дома, включив компьютер, она быстро застучала по клавишам. Наконец-то она поняла, каким будет сценарий. Олигарха Люба безжалостно выкинула из списка персонажей. Дело ведь не в деньгах, а в том, чтобы человек был сильный и добрый. Нет, пожалуй, олигарха она все-таки оставит, но не как главного героя, а в качестве искушения для Золушки. Но выберет Золушка не его, а обычного доктора, человека, которому не надо доказывать свой героизм с помощью сентиментального спасения детей и прочего экстрима. Он и так каждый день совершает маленький подвиг. Зачем ему кидаться под колеса автомобиля, если он оперирует больного гепатитом? Если лечит больного корью или активным туберкулезом, прекрасно зная, что маски спасают не всегда и велика вероятность заразиться? Он дышит средствами для наркоза,

губительно влияющими на мозг и сердечную мышцу, подвергается рентгеновскому излучению, моет руки в препаратах, способных вызвать неизлечимую экзему, терпит ругань и срывы больных, испытывает колоссальное нервное напряжение, понимая, что любой его неверный шаг может стоить больному жизни. И за этот адский труд он получает весьма скромное вознаграждение от общества, потому что все сливки сняли работники страховых компаний. Но только его почему-то никакими калачами не заманишь на работу в эту самую компанию.

Любины пальцы просто не успевали за мыслью. Нужно сегодня же закончить и отправить Владимиру Федоровичу. Интересно, что он скажет? Обычно Любе бывало немного неловко, когда она посылала редактору плоды своих трудов, но сейчас она чувствовала себя как школьная отличница, уверенная, что безупречным выполнением домашнего задания порадует строгого учителя. Она выполнит все его инструкции. Золушка поймет, что честность и верность долгу дороже любого золота. А она-то, наивная, думала, что ее проблемы могут решить только деньги!

Стас привез больного в реанимацию и нарвался на проверяющего. Пожилой профессор с кафедры общей хирургии, венцом деятельности которого была обычная холецистэктомия⁶, недавно получил должность заместителя главного врача по какой-то там работе и теперь донимал всех разнообразными проверками.

Ругнувшись про себя, Грабовский определил больного на койке, дал сестрам инструкции и морально приготовился к экзекуции.

– Почему у вас не работает мешок Амбу?⁷ – грозно спросил профессор.

Ясное дело, пользуясь отсутствием в отделении дежурного врача, он все тут облазил и нашел множество недочетов.

– Ах, Амбу! – Стас попытался прикинуться дурачком. – Мы его порвали, когда больного реанимировали. Сразу написали рапорт, но пока нового мешка нам не дали. Впрочем, это не страшно. У нас есть второй, да и этот работает, если клапан пальцами затыкать в нужный момент.

– По инструкции должно быть два мешка. С одним вы идете на вызовы по больнице, а второй постоянно должен находиться в отделении.

Грабовский покаянно кивнул, признавая правоту профессора. Глупо указывать ему на то очевидное обстоятельство, что второго мешка Стас не родит.

– В реанимации у нас всегда есть свободные аппараты ИВЛ⁸, так что амбушка мало когда нужна. Если возникает потребность в вентиляции, мы сразу трубим и на аппарат.

Проверяющий горестно покачал головой:

– Молодой человек, молодой человек! У нас была анестезиолог, так иногда всю операцию мешком дышала. Руками-то надежней, мягче будет!

«Особенно если ты такой идиот, что не можешь подобрать правильный режим аппарата», – мрачно подумал Стас. Оказывается, он не должен был принимать смену без двух рабочих мешков. Без работающего кардиомонитора, который последние три месяца обещают починить. Без запаса кровезаменителей. Судя по тому, как исправно администрация снабжала реанимационное отделение, предыдущий дежурный врач обречен был сидеть на работе вечно.

Поругав Стаса за халатность, профессор двинулся напрямик к шкафчику с противочумными костюмами. Этот шкафчик был укомплектован в незапамятные времена, еще, наверное, до войны, и с тех пор туда никто не заглядывал. Шкафчик обходили стороной, словно там

---

⁶ Холецистэктомия – удаление желчного пузыря.

⁷ Мешок Амбу – примитивный прибор для временной и экстренной вентиляции легких.

⁸ Аппарат ИВЛ предназначен для искусственной вентиляции легких.

таились не средства защиты, а сама чумная бактерия. Стасу даже стало интересно: что же там лежит?

Профессор извлек на свет божий связку респираторов, ворох пожелтевших от старости льняных халатов и горку кирзовых сапог. Последними из шкафчика выпали древние кеды фабрики «Красный треугольник», у Стаса были такие в детстве для уроков физкультуры.

– Что это?

– А? – В голове Стаса уже зарождался план, как они с психиатром Ванькой Анциферовым ночью, в час затишья, наденут противочумные костюмы и пойдут пугать девчонок из приемного отделения.

– Я спрашиваю, что это такое? – Профессор взял кеды за шнурки и потряс ими перед носом Грабовского. – Зачем они здесь?

– Наверное, чтобы врач мог быстрее убежать из очага поражения? – Стас улыбнулся.

– Молодой человек, вы вообще знакомы с приказом об особо опасных инфекциях? Разве вы не знаете, что доктор, заподозрив холеру, чуму или геморрагическую лихорадку, не имеет права покидать помещение, где находится больной?

«Вот и здорово! На следующем дежурстве, как заступлю, сразу же заподозрю у кого-нибудь чуму. В строгом соответствии с приказом запремся до утра в реанимации: никого не впускать, никого не выпускать. А если в приемное дернут или еще куда-нибудь – извините, не можем покинуть очаг поражения! Устроим небольшой пир во время чумы, а когда особо опасная инфекция не подтвердится – извините, я не виноват. Проявлял бдительность».

– Да просто кто-то их здесь спрятал сто лет назад, – сказал он миролюбиво. – У нас раньше много было докторов, которые спортом занимались.

– Так вот как вы следите за порядком в отделении!

Бессмысленно было напоминать профессору, что Стас не заведующий реанимацией, не материально ответственное лицо и даже не эпидемиолог, поэтому не имеет ни малейшего отношения к противочумной укладке. Ясно же, проверяющим движет не стремление понять, чего не хватает отделению для безупречной работы, а желание поглумиться над бедным доктором.

Стас в тоске огляделся и заметил, что на пороге стоит по-уличному одетая Зоя Ивановна и машет ему рукой.

– Простите. – Грабовский устремился к ней, как верблюд к оазису. – Слушаю вас, Зоя Ивановна.

– Здравствуйте, Павел Николаевич! – сказала она профессору. – Все проверяете? Ну-ну! Бог в помощь.

– Не понимаю вашего сарказма, Зоя Ивановна. У вас в отделении тоже не все благополучно с санэпидрежимом. Доктора плохо знают приказы, но что с них требовать, если заведующая не стесняется демонстрировать свое вопиющее невежество в вопросах эпидемиологии перед всем врачебным составом!

Стас ухмыльнулся. Не так давно администрация пригласила видного инфекциониста прочесть лекцию докторам, чтобы те лучше диагностировали инфекционные заболевания.

Лектор зануднейшим образом описывал симптомы разных болезней, а потом перешел к методике сбора эпиданамнеза⁹. Целых двадцать минут Зоя честно пыталась конспектировать, а потом задремала. Сидела она в первом ряду, и лектор, естественно, обиделся:

– Многие врачи, особенно хирурги, пренебрегают сбором анамнеза, – сказал он. – Однако такие на первый взгляд формальные вопросы, как то, куда выезжал пациент в последние полгода, могут быть ключевыми в диагностике заболевания. Ведь многие инфекции эндемичны, то есть встречаются в каком-то определенном регионе. Например, малярия, многие паразиты.

---

⁹ Эпиданамнез – опрос пациента о контактах с инфекционными больными, возможном вирусоносительстве.

Очень важно привязать инфекцию к местности. Вот вы, Зоя Ивановна... Зоя Ивановна! Скажите нам, как привязать инфекцию к местности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.